

ДЕМОГРАФИЯ

*Казенин К.И.,
Козлов В.А.*

ВОЗРАСТ МАТЕРИНСТВА В ДАГЕСТАНЕ: ЗНАЧИМОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

(исследование выполнено в соответствии с планом НИР РАНХиГС (2016), тема «Влияние социальных изменений на рождаемость в регионах Северного Кавказа»)

Республика Дагестан — пример российского региона, прошедшего в последние три-четыре десятилетия через очень глубокие модернизационные изменения. Они сопровождались сокращением рождаемости. Однако на фоне этих изменений Дагестан в значительной мере сохранил межэтнические различия по характеристикам рождаемости. Они касаются в первую очередь возрастных параметров, в частности, среднего возраста матери при рождении первого ребенка, которые наблюдаются, в том числе, и в городах, а также среди образованной части населения.

Эти особенности процесса воспроизводства населения в Дагестане представляют значительный интерес с точки зрения демографической теории. Дело в том, что во многих исследованиях последних десятилетий выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой, межэтнические контрасты по характеристикам

рождаемости в рамках одного социума связаны с различиями в экономическом и социальном положении этносов в данном социуме.

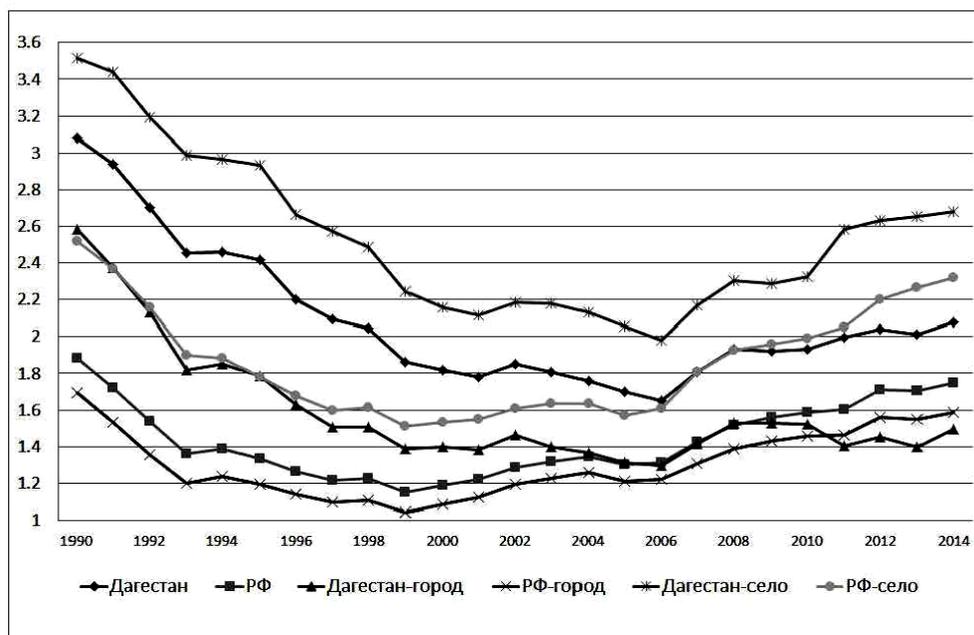
Как только такие различия исчезают, приводя к «структурной ассимиляции» между этносами, контрасты по рождаемости, согласно этой гипотезе, должны быть нейтрализованы (гипотеза впервые выдвинута в начале 1970-х гг. [1; 2]). Ожидать такую нейтрализацию следует, прежде всего, в городах и среди образованной части населения, исходя из общераспространенного представления о том, что социально-экономические контрасты между этносами быстрее всего стираются в городской и в образованной среде. Если же там ожидаемой нейтрализации различий по рождаемости не происходит, это говорит в пользу альтернативной гипотезы, согласно которой, межэтнические различия по рождаемости связаны с различиями в культурах и

традициях народов и, в принципе, равно ожидаемы как при наличии, так и при отсутствии существенных несходств между этносами в социально-экономической сфере (гипотеза о «культурных различиях» как основе межэтнических различий по рождаемости [3; 4]).

Основная цель настоящей статьи — систематизировать имеющиеся факты, которые указывают на сохранение межэтнических различий по характеристикам рождаемости в Дагестане, и рассмотреть вопрос о том, могут ли данные Дагестана служить подтверждением гипотезы о «культурных» (в противовес социально-экономическим) основах различий по рождаемости между народами, живущими в рамках одного социума.

Общие характеристики рождаемости в Дагестане

Данные официальной статистики по рождаемости в Дагестане в 1990-2014 гг. показывают, что в начале этого периода суммарный коэффициент рождаемости (СКР) превышал там общероссийский более чем в полтора раза, однако в течение 1990-х годов заметно снизился, дойдя до уровня, который, как считается, обеспечивает простое воспроизводство. Снижение СКР имело место как в городских, так и в сельских поселениях Дагестана. После 2007 года наблюдается подъем СКР, что отражает известный общероссийский тренд, связанный с государственной политикой по поддержанию рождаемости (рис 1).

Источник: данные Росстата и РОСБРИС.

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в Дагестане в 1990-2014 гг. в сопоставлении с общероссийским (общий, город, село)

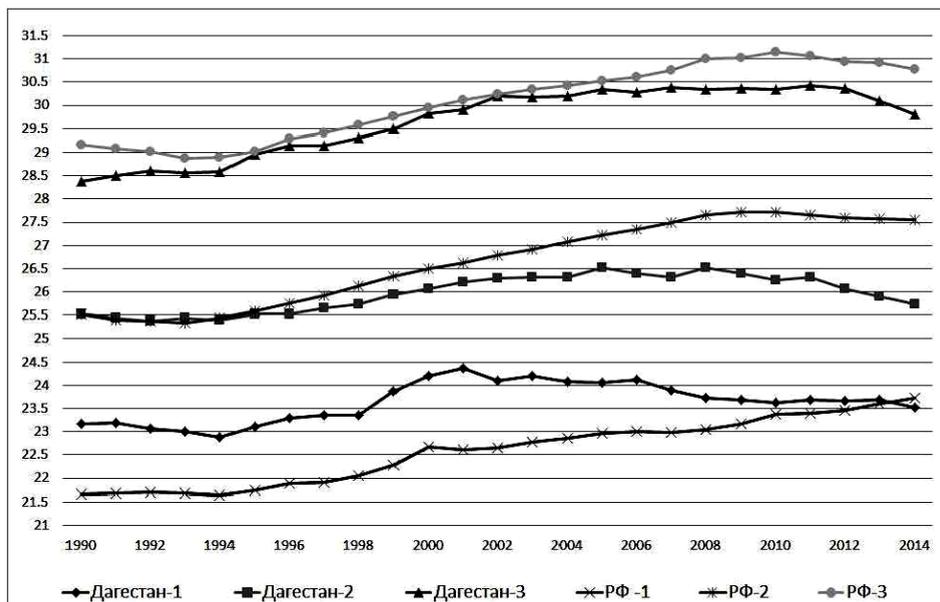
Одновременно в 1990-е годы в регионе происходили масштабные социальные изменения [5; 6]. В качестве наиболее важных из них можно выделить следующие.

Во-первых, имела место активная миграция населения в города. Переезд в города сельского населения Дагестана, в том числе населения горных сел, стал постепенно набирать скорость в 1960-1970-е гг., однако именно в 1990-е гг. этот процесс приобрел «обвальный» характер, далеко не полностью отраженный официальной статистикой.

Во-вторых, ускорилось разрушение хозяйственного уклада на селе. Оно было связано с резким уменьшением числа жителей, активно занятых в сельском хозяйстве, с увеличением масштабов «маятниковой» трудовой миграции из села, с ослаблением сельских общинных связей [7].

Следует оговорить, что эти процессы происходили в разных частях сельского Дагестана с разной скоростью и с разной «глубиной». Кроме того, разрушение традиционных норм сельской жизни не затронуло ряда важных демографических особенностей дагестанского села. В частности, в целом сохранилось компактное расселение этносов в сельской местности [8], что делает ожидаемым сохранение там межэтнических различий по рождаемости.

При близости уровня рождаемости к общероссийскому для Дагестана характерна особая динамика среднего возраста матери при рождении первого ребенка. Если в России в целом этот показатель с начала 2000-х годов монотонно растет, то в Дагестане его роста в последние 10 лет не отмечено и даже имело место небольшое снижение (рис. 2).

Источник: данные Росстата и РосБриС.

Рис. 2. Средний возраст матери при рождении детей первой, второй и третьей очередностей в Дагестане и в РФ в целом в 1990-2014 гг.

Этничность, образование и возраст материнства

Рассмотрим межэтнические различия по одной характеристике рождаемости — среднему возрасту матери при рождении первого ребенка. Такой выбор обусловлен следующими причинами.

Во-первых, именно возраст «старта» материнства является той характеристикой рождаемости в Дагестане, по которой она наиболее заметно отличается от рождаемости в России. Учитывая, что Дагестан существенно отличается от России в целом также по этническому составу, можно ожидать значимость национальной принадлежности матери для тех параметров, по которым Дагестан отличается от общероссийских трендов рождаемости.

Во-вторых, известно, что возраст матери при рождении первого ребенка значим для других аспектов репродуктивного поведения, в том числе и для суммарного коэффициента рождаемости [9; 10]. По этой причине понимание факторов, влияющих на этот возрастной параметр рождаемости, может быть полезным для предсказания динамики рождаемости в регионе.

Ниже представлены данные по среднему возрасту рождения первого ребенка по данным ВПН-2010 для четырех народов Дагестана: аварцев, даргинцев, лакцев и кумыков. Это четыре наиболее многочисленных этноса Дагестана, если исключить из рассмотрения южную часть республики¹.

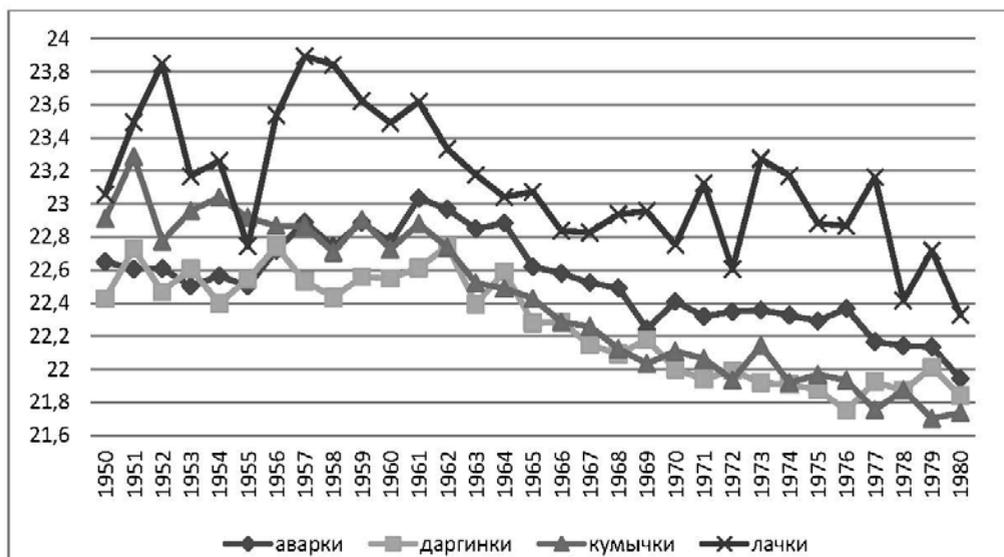
¹Южный Дагестан не включен в наше исследование этнических различий по рождаемости по той причине, что его наиболее многочисленный этнос — лезгины являются «разделен-

Продемонстрируем наличие межэтнических возрастных различий по рождаемости на реальных когортах. На рис. 3 показаны средние возраста рождения первого ребенка у женщин 1950-1980 гг. рождения четырех национальностей. Видно, что с начала 1960-х гг. формируется закономерность, которая в последующих когортах ни разу не нарушается: самый «старший» возраст рождения первого ребенка — у лачек, за ними идут аварки, и самый ранний «старт» материнства — у даргинок и кумычек².

Обратимся к различиям «тайминга» у женщин с разным уровнем образования. Именно уровень образования может использоваться как один из наиболее адекватных показателей «модернизированности» семьи, в которой имеет место деторождение. Получение женщиной высшего образования является очевидным нарушением имеющихся в традиционном обществе гендерных иерархий, отводящих для женщины, в основном, роль матери и домохозяйки и не предполагающих достижение ею высокого образовательного уровня [11; 12] (подробнее о влиянии образования женщины на ее репродуктивное поведение см. [13; 14]).

ным»: по имеющимся оценкам, не менее 30% лезгин проживает в Азербайджане, и адекватная статистическая картина рождаемости у этого народа может быть составлена только на основе статистических данных двух стран, однако необходимые данные переписи или текущего учета по лезгинам Азербайджана доступны не были.

²Нарушение этой закономерности у женщин более ранних годов рождения, на которое указывают данные переписи, может быть поставлено под вопрос, поскольку, как известно, женщины старших возрастов нередко предоставляют искаженную информацию о своей репродуктивной истории.

Источник: Данные Росстата.

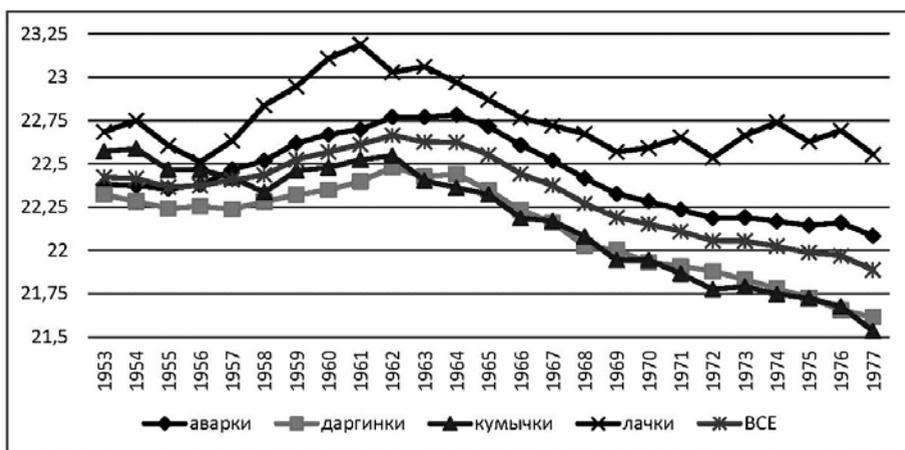
Рис. 3. Средний возраст матери при рождении первого ребенка у женщин четырех национальностей 1950-1980 г.г. в Дагестане по данным ВПН-2010.

В связи с этим показательно, что доля женщин, учившихся в вузах, в Дагестане, росла от поколения к поколению, причем заметный рост (не менее чем на 2,9 п.п. в каждой пятилетней возрастной группе по сравнению с предыдущей) начался с женщин, которым на момент ВПН-2010 было 35-39 лет, т.е. которые закончили школу во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов. Как уже было отмечено, именно этот период стал в Дагестане началом разрушения сельского социально-экономического уклада и массового переезда в города.

Тем самым, если считать повышение уровня образования женщин признаком семейной модернизации, то можно сказать, что она происходила параллельно с модернизацией более крупных общественных институтов, чем семья.

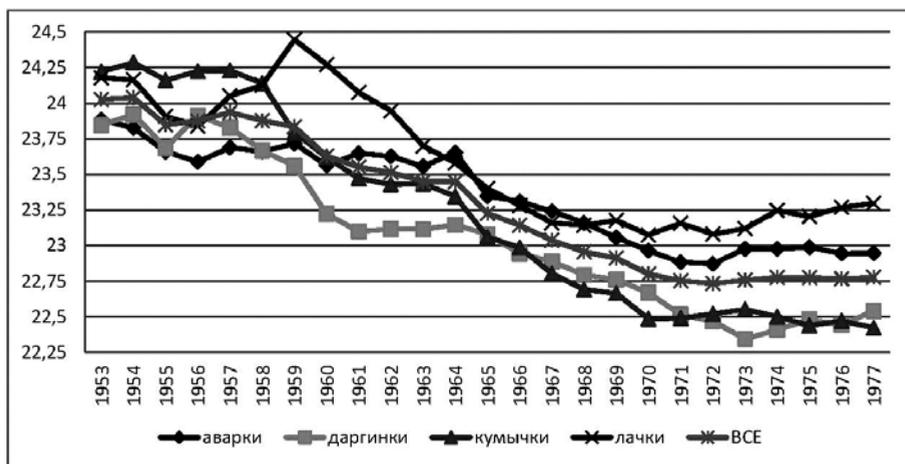
На рис. 4 и 5 представлены средние возраста матери при рождении первого ребенка у четырех национальностей в разные годы по годам рождения женщины. Рис. 4 показывает возраст женщин, имеющих начальное, неполное среднее или среднее образование, а рис. 5 — женщин, имеющих высшее или неоконченное высшее образование. Вследствие колебаний количества женщин разных образовательных групп по годам рождения для сглаживания графиков были применены скользящие средние за четыре года.

По рис. 4-5 видно практически такое же соотношение возрастов у четырех национальностей, что и без учета уровня образования (см. рис. 3), а именно: у матерей лакской национальности средний возраст рождения первого ребенка регулярно самый высокий.

Источник: расчеты авторов по данным ВПН-2010.

Рис. 4. Средний возраст матери при рождении первого ребенка у женщин четырех национальностей Дагестана, 1950-1980 г.р., с начальным, неполным средним и средним образованием (четырёхлетние скользящие средние)

Источник: расчеты авторов по данным ВПН-2010

Рис. 5. Средний возраст матери при рождении первого ребенка у женщин четырех национальностей Дагестана, 1950-1980 г.р., с высшим и неоконченным высшим образованием (четырёхлетние скользящие средние)

Второе место по этому показателю практически с такой же регулярностью занимают матери аварской национальности. Матери кумыкской и даргинской национальностей отличаются более молодым материнством. Видно также, что возрастные значения у аварок и лакс регулярно

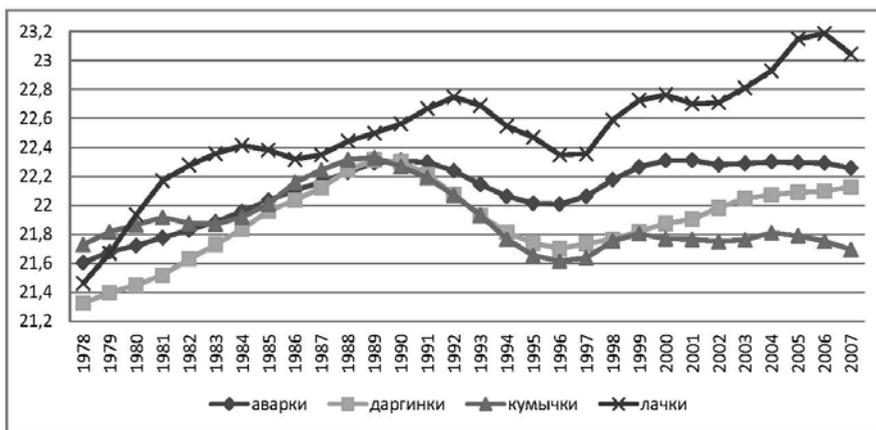
выше среднего для четырех национальностей, а у даргинок и кумычек — регулярно ниже.

Существенно, что такое соотношение между четырьмя национальностями по возрасту «старта» материнства наблюдается в обеих образовательных группах.

Сохранение межэтнических различий по возрастной локализации рождения первого ребенка у матерей с высоким уровнем образования также заметно, если рассматривать возраст материнства по периодам.

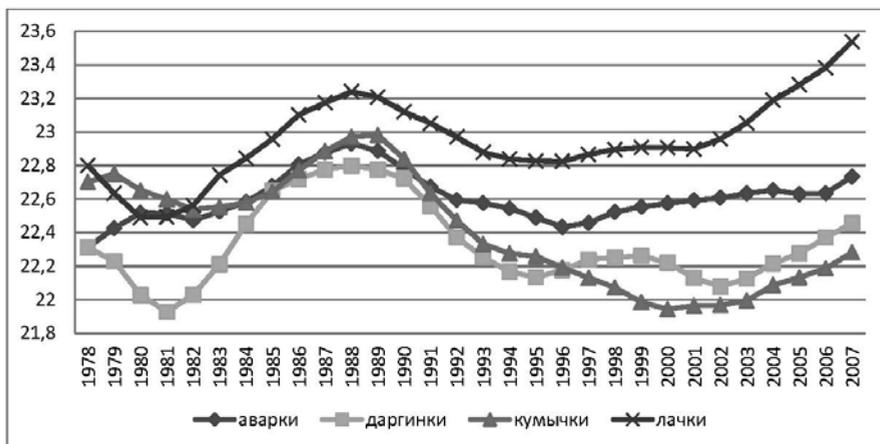
На рис. 6 и 7 представлен средний возраст при рождении первого ребенка у матерей четырех националь-

ностей в 1975-2010 гг. с разными уровнями образования (как и на рис. 4-5, даны скользящие средние за четыре года). Графики по годам показывают по обеим образовательным группам то же соотношение возрастов у четырех национальностей начиная с 1990-х гг., что и графики по когортам.

Источник: расчеты авторов по данным ВПН-2010.

Рис 6. Средний возраст матери при рождении первого ребенка у четырех национальностей Дагестана, 1975-2010 гг., женщины с начальным, неполным средним и средним образованием (четырёхлетние скользящие средние)

Источник: расчеты авторов по данным ВПН-2010.

Рис 7. Средний возраст матери при рождении первого ребенка у четырех национальностей Дагестана, 1975-2010 гг., женщины с высшим и неоконченным высшим образованием (четырёхлетние скользящие средние)

Выводы, полученные на основе анализа данных переписи 2010 г., частично согласуются с данными полевого исследования, проведенного авторами в Дагестане во второй половине 2015 — первой половине 2016 годов. Опрашивались женщины, имеющие хотя бы одного ребенка и проживающие в сельских районах центральной части Дагестана (то есть на территории, почти полностью включающей в себя сельские ареалы проживания рассматриваемых четырех этносов). Всего было опрошено 730 респонденток четырех рассматриваемых в данной статье национальностей из 8-ми районов. Матери были распределены по возрастным группам от 15-19 до 35-39 лет. Средний возраст матери при рождении

ребенка составил 21,64 лет (при стандартном отклонении 3,12, что обеспечивает доверительный интервал примерно между 21,41 и 21,87 лет). Самая малочисленная возрастная группа — 15-19 лет (9,5%), остальные группы составили от 20 до 25%. Самая малочисленная национальность — лачки — 4% выборки, а самая многочисленная — даргинки — 57%. Университетское образование имели 27%.

В табл. 1 представлены результаты регрессионного анализа, в котором зависимая переменная — возраст матери при рождении первого ребенка, а независимые переменные — национальность и образование, поколение было контрольной переменной.

Таблица 1

Статистическая взаимосвязь возраста матери при рождении первого ребенка с национальностью и уровнем образования (по данным опроса, проведенного в 2015-2016 гг. в сельских районах Дагестана)

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Национальность (сравнение с лакцами)				
Аварцы			-2,366*** (0,684)	-1,238 (0,811)
Кумыки			-3,327*** (0,660)	-2,162*** (0,814)
Даргинцы			-2,929*** (0,638)	-1,898** (0,752)
Университетское образование		1,171*** (0,251)		2,519** (1,147)
Национальность при наличии университетского образования (сравнение с лакцами)				
Аварцы				-1,454 (1,299)
Кумыки				-2,209* (1,232)
Даргинцы				-0,612 (1,207)
Возраст ³	1,133*** (0,0863)	1,099*** (0,0858)	1,086*** (0,0848)	1,067*** (0,0835)
Константа	17,93*** (0,234)	17,73*** (0,232)	20,87*** (0,670)	19,60*** (0,790)
Наблюдения (количество)	699	696	699	696
R-квадрат	0,211	0,240	0,256	0,297

*** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1

³В модели 5 возрастных групп; группа 15-19 лет кодируется как 1; 20-24 лет — 2; 25-29 лет — 3; 30-34 лет — 4; 35-39 лет — 5.

Результаты (доля объясненной дисперсии — R-квадрат) показывают, что возраст при рождении первого ребенка во многом объясняется принадлежностью к поколению (контрольная переменная, которая не принципиальна в рамках данного исследования). Тем не менее, наличие университетского образования значительно повышает возраст матери при рождении ребенка. Значимой для этого показателя является и национальность⁴. Таким образом, этнические различия являются достаточно стабильным фактором, чья значимость не исчезает от более старших поколений к более молодым. Важно, что национальность и образование сохраняют свою роль при совместном включении в модель.

Подчеркнем, что данный опрос проводился исключительно среди сельских жительниц и не отражает процессов, происходящих в городах. Однако, по крайней мере для этого сегмента, опрос дал результаты, подтверждающие важность этнической принадлежности для времени «старта» материнства во всех образовательных группах.

***Сохранение значимости
этнического фактора:
попытка объяснения***

Приведенные выше данные во многом противоречат имеющимся в научной литературе наблюдениям над изменениями рождаемости в условиях социальной модернизации. Для целого ряда многонациональных

территорий в разных частях мира исследования показали, что межэтнические различия по характеристикам рождаемости стираются в условиях модернизационных процессов и, в частности, нейтрализуются среди образованных групп населения (см. [15] о рождаемости среди турок и курдов в Турции; [16] о постепенном уменьшении различий по параметрам рождаемости между мигрантами и коренными жителями в Греции).

На этом фоне отсутствие такого эффекта в Дагестане требует объяснения, особенно если принять во внимание, что значимость этнической принадлежности для возраста «старта» материнства там распространяется, в том числе и на молодые поколения матерей, т.е. этничность является на сегодняшний день фактором, достаточно стабильно связанным с рождаемостью во всех образовательных группах.

Прежде всего, следует отметить, что количественные данные, говорящие о сохранении межэтнических различий по возрасту материнства, в том числе и среди женщин с высоким уровнем образования, в целом согласуются с некоторыми антропологическими наблюдениями, накопленными нами в ходе полевой работы. Например, в свете этих наблюдений вполне ожидаемо, что наиболее высоким возрастом рождения первого ребенка отличаются лакцы. Этот народ выделяется на фоне большинства других этносов Дагестана тем, что еще в советское время активнее других мигрировал в города. Кроме того, в лакских селах, как минимум, на несколько десятилетий раньше, чем в других населенных пунктах Дагестана, распространилась «маятниковая» трудовая миграция, ставшая не менее важной статьей дохода домохозяйств,

⁴Тест на мультиколлениарность дает VIF=3,4 для модели 3 и VIF=9,3 для модели 4. Таким образом, параметры национальности и образования можно одновременно включать в модель без риска мультиколлениарности.

чем сельское хозяйство [17]. Распад сельского хозяйственного уклада закономерно ведет к снижению потребности в большом количестве детей в домохозяйстве, которая сама по себе может мотивировать ранний «старт» материнства. Такое объяснение высокого значения среднего возраста матери при рождении первого ребенка у лакцев, очевидно, приложимо, в том числе, и к группам населения с низким уровнем образования. «Лидерство» же лакцев по этому параметру именно среди женщин с высоким уровнем образования также ожидаемо, так как в литературе неизвестны примеры того, когда повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка в рамках одного социума среди необразованных женщин шло бы быстрее, чем среди образованных.

Говоря о сохранении молодого материнства у кумычек и даргинок, в том числе имеющих высокий уровень образования, интересно заметить, что эти два народа отличаются небольшим сравнительно с аварцами и лакцами расстоянием между территориями своего компактного расселения в сельской местности и городами, в которых они проживают в значительной численности (кумыки — города Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт; даргинцы — Махачкала и Буйнакск). По нашим наблюдениям (не подкрепленным на настоящий момент какими-либо количественными оценками), даже те представители названных двух этносов, которые имеют высшее образование и работают в городах, проявляют тенденцию к сохранению регулярных тесных контактов со своими сельскими родственниками, к заключению браков с односельчанами и т.д. Можно предположить, что интенсив-

ность контактов между городскими и сельскими жителями способствуют сохранению в городах, в том числе среди населения с высоким уровнем образования, тех особенностей репродуктивного поведения, которые имеются у соответствующего этноса в сельской местности (о феномене сохранения «сельских» сообществ в городской среде Северного Кавказа см. [18]). Таким образом, для этносов, демонстрирующих самое «молодое» материнство на селе и в городе, его можно объяснить наличием условий, способствующих воспроизводству в городах «паттернов» репродуктивного поведения, наблюдаемых на селе.

Что касается сохранения межэтнических различий среди образованных групп женщин на селе, отчасти подтвержденного нашими полевыми наблюдениями, то оно может иметь отдельное объяснение. Анализ некоторых данных, полученных в ходе нашего опроса, позволяет предположить, что сегодня в Дагестане сам факт получения сельской женщиной высшего образования не означает автоматически ее выхода из традиционного уклада семейной жизни. Так, согласно результатам опроса, респондентки, обучавшиеся в высших учебных заведениях, незначительно отличаются от респонденток, не обучавшихся в них, по доле тех, кто следует ряду традиционных норм дагестанского села. Например, среди обучавшихся в вузах 49,7% респонденток заявили, что с будущим мужем их познакомили родственники (тем самым не была нарушена прерогатива старшего поколения устраивать браки молодых), а среди не обучавшихся в вузах доля таких респонденток составила 55,4%. Кроме того, 80,5% респонденток, обучавшихся в вузах, заявили, что вышли замуж за своего

односельчанина, а среди не учившихся в вузах доля последовавших этой традиционной практике составила 87,3%.

Возможно, столь малое различие между женщинами разных образовательных групп по следованию традиционным нормам на селе связано с высоким уровнем безработицы среди высокообразованных сельских жительниц, вследствие которого многие из них по образу жизни после учебы мало отличаются от своих менее образованных односельчанок. Однако проверить это предположение трудно из-за ненадежности данных по безработице в Дагестане. Каковы бы ни были причины замеченной тенденции, на ее фоне вполне ожидаемым выглядит соблюдение образованными сельскими жительницами также и этнических «паттернов» репродуктивного поведения.

Возвращаясь к выбору между «социально-экономической» и «культурной» гипотезами о причинах межэтнических различий по рождаемости, отметим, что если предложенные нами объяснения верны, то значимой для этих различий оказываются именно действенность традиционных культурных норм, однако она, в свою очередь, может быть связана с социально-экономическими факторами (степенью сохранности сельского хозяйственного уклада; активностью контактов между городом и селом; положением образованных женщин на рынке труда на селе).

То есть полного разделения социально-экономических и культурных факторов в предложенном объяснении провести не удастся. Это позволяет предположить, что сам по себе выбор между социально-экономичес-

ким или культурным объяснением расхождений по характеристикам рождаемости между этносами не всегда адекватен.

В ходе нашего исследования было обнаружено, что в Дагестане межэтнические различия по одной из ключевых характеристик рождаемости, среднему возрасту матери при рождении первого ребенка, стабильно наблюдаются у разных поколений женщин детородного возраста. При этом интересная особенность Дагестана, не зафиксированная на многих других территориях с многонациональным составом населения, состоит в том, что эти различия не «стираются» у женщин с высоким уровнем образования. Это следует из анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., а также подтверждается результатами нашего исследования среди сельского населения.

Такой результат представляет интерес на фоне глубоких модернизационных изменений, имевших место в Дагестане в последние десятилетия. Он позволяет предположить, что на рождаемость в этом регионе большое влияние оказывают традиционные культурные нормы, устойчивые к социальной модернизации.

Вместе с тем, к числу возможных причин сохранения этих норм среди женщин с высоким уровнем образования относятся обстоятельства социально-экономического или даже географического характера, что указывает на возможность смешения факторов разной природы при объяснении межэтнических различий по рождаемости в условиях модернизации.

Литература

1. **Goldscheider, C.** Population, modernization and social structure. — Boston: Little Brown, 1971.
2. **Sly, D.F.** Minority group status: An extension of Goldscheider and Uhlenberg // *American Journal of Sociology*. — 1970. — Vol. 76. — P. 443-459.
3. **Lesthaeghe, R.** Social organization, economic crisis and the future of fertility control in Africa // Lesthaeghe R. (ed.). *Reproduction and social organization in Sub-Saharan Africa*. — Berkeley: University of California Press, 1989. — P. 475-505.
4. **Caldwell, J.C. & Caldwell, P.** The cultural context of high fertility in Sub-Saharan Africa // *Population and Development Review*. — 1987. — Vol.13. — P. 409-437.
5. **Османов А.И.** Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину. — Махачкала: ДНЦ РАН, 2000.
6. **Карпов Ю.Ю., Канустина Е.Л.** Горцы после гор. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.
7. **Казенин К.И., Козлов В.А.** Омоложение материнства в Дагестане: предварительные результаты обследования сельского населения // *Демографическое обозрение*. — 2016. — № 3. — С. 100-123.
8. **Белозеров В.С.** Этническая карта Северного Кавказа // Отв. ред. Е. Савина. — М.: ОГИ. 2005. — 304 с.
9. **Bongaarts, J.** The fertility impact of changes in the timing of childbearing in the developing world // *Population Studies*. — 1999. — Vol. 53. — P. 277-289.
10. **Bumpass, L., Rindfuss, R. & Janosik, R.** Age and Marital Status at First Birth and the Pace of Subsequent Fertility // *Demography*. — 1978. — Vol. 15. — P. 75-86.
11. **Shorter E.** The making of modern family. — New York: Basic Books, 1977.
12. **Levy M.J., Jr.** Modernization and the structure of societies. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966.
13. **Van de Kaa, Dirk.** Anchored narratives: The story and findings of a half century of research into the determinants of fertility // *Population Studies*. — 1996. — Vol. 50. — No.3. — P. 389-432.
14. **Caldwell J.** Theory of Fertility Decline. — London: Academic Press, 1982.
15. **Gore D.L., Carlson E.** Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey // *Population Studies*. — 2010. — Vol. 64. — P. 179-191.
16. **Vagavos C., Tsimbos C., Verropoulou G.** Native and migrant fertility patterns in Greece: A cohort approach // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. — 2008. — Vol. 24. — № 3. — P. 245-263.
17. **Булатова А.Г.** Лакцы. Историко-этнографические очерки. — Махачкала, 2000.
18. **Стародубровская И.В., Казенин К.И.** Северокавказские города: территория контрастов // *Общественные науки и современность*. — 2014. — № 6. — С. 70-82.

Bibliography

1. Goldscheider C. *Population, Modernization and Social Structure*. Boston. Little Brown. 1971.
2. Sly D.F. Minority group status: An extension of Goldscheider and Uhlenberg. *American Journal of Sociology*. Vol. 76. 1970. P. 443-459.
3. Lesthaeghe R. Social organization, economic crisis and the future of fertility control in Africa. Lesthaeghe R. (ed.). *Reproduction and Social Organization in Sub-Saharan Africa*. Berkeley. University of California Press. 1989. P. 475-505.
4. Caldwell J.C., Caldwell P. The cultural context of high fertility in Sub-Saharan Africa. *Population and Development Review*. Vol.13. 1987. P. 409-437.
5. Osmanov A.I. Agrarnyye preobrazovaniya v Dagestane i pereseleniye gortsev na ravninu [Agrarian Reforms in Dagestan and Migration from Mountains to the Valley]. Makhachkala. Dagestan Scientific Center RAS. 2000.

6. Karpov Ju.Ju., Kapustina E.L. Gorcy posle gor [*Mountain People after the Mountains*]. Sankt-Petersburg. Peterburgskoe Vostokovedenie [Petersburg's Orientalism]. 2011.
7. Kazenin K.I., Kozlov V.A. Omolozhenie materinstva v Dagestane: predvaritel'nye rezul'taty obsledovaniya sel'skogo naseleniya [Rejuvenation of motherhood in Dagestan: preliminary results of a survey among rural population]. Demograficheskoe obozrenie [*Demographic Review*]. 2016. № 3. P. 100-123.
8. Belozerov V.S. Etnicheskaja karta Severnogo Kavkaza [*The ethnic map of North Caucasus*]. Moscow. 2005. 304 p.
9. Bongaarts J. The fertility impact of changes in the timing of childbearing in the developing world. *Population Studies*. Vol. 53. 1999. P. 277-289.
10. Bumpass L., R. Rindfuss, R. Janosik. Age and marital status at first birth and the pace of subsequent fertility. *Demography*. Vol.15.1978. P. 75-86.
11. Shorter E. *The Making of Modern Family*. New York. Basic Books. 1977.
12. Levy M.J., Jr. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, NJ. Princeton University Press. 1966.
13. Van de Kaa D. Anchored narratives: The story and findings of a half century of research into the determinants of fertility. *Population Studies*. Vol. 50. 1996. P.389-432.
14. Caldwell J. *Theory of Fertility Decline*. London. Academic Press. 1982.
15. Gore D.L., Carlson E. Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey. *Population Studies*. Vol. 64. 2010. P. 179-191.
16. Bagavos C., Tsimbos C., Verropoulou G. Native and migrant fertility patterns in Greece: A cohort approach. *European Journal of Population/Revue European de Demography*. Vol. 24. 2008. P. 245-263.
17. Bulatova A.G. Lakcy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [*The Laks: Historic and Ethnographic Essays*]. Makhachkala. 2000.
18. Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I. Severokavkazskie goroda: territorija kontrastov [Cities of North Caucasus: The territory of contrasts]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Today's World]*. 2014. No 6. P. 70-82.